

А.Г. Левинсон
ИЗМЕНЕНИЯ

В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВА К АРМИИ И ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

*(По материалам ВЦИОМ)**

Мнение о боеспособности армии

** В работе использованы данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 1989–2000 годы. Во всех случаях, когда не оговорено иное, данные относятся к всему населению РФ 18 лет и старше. Опросы ВЦИОМ построены на многоступенчатых репрезентативных выборках взрослого городского и сельского населения страны объемом 1000–1600 чел. и проводятся методом личных интервью по месту жительства. Ответы приводятся в процентах по отношению к общему числу опрошенных или, если оговорено, в условных единицах. Используются также результаты так называемых качественных исследований – глубинных интервью и групповых дискуссий, проводившихся автором. Для характеристики отношения к воинской службе, ввиду недостатка прямых данных мы зачастую вынуждены пользоваться косвенными. В этом качестве выступают*

Отношение общества к армии есть один из элементов функционирования армии в обществе, исполнения ею своей роли.

Когда говорят о роли армии в обществе, то прежде всего имеют в виду функцию обороны или нападения, участия армии в военных действиях либо в предупреждении этих действий со стороны армии другого государства. Это, как говорил Сталин, внешняя функция армии.

Вторая из помянутых им функций – внутренняя или, по-другому, полицейская. Армия при этом используется против вооруженных или невооруженных граждан собственной страны.

Есть еще немало иных функций армии. На них мы в дальнейшем и сосредоточимся. Но вначале отметим, какое мнение существует в общественности страны по поводу этих двух функций.

Если не считать участия в конфликтах в районе таджико-афганской границы, то последний раз армия, которую респонденты считали «нашей», воевала за пределами своей страны в ходе афганской кампании. Вскоре после завершения этой кампании, в 1990 году был проведен опрос. Вот какие мнения о боеспособности Советской армии на тот момент были наиболее распространенными в РСФСР:

Советские ВС – самые эффективные в мире	5%
Боеспособность СА на уровне лучших армий мира	23
Боеспособность СА отстает от лучших армий мира	29
Боеспособность СА – на очень низком уровне	15
Затруднились ответить	28

При этом мнения российских мужчин были гораздо более поляризованными: 35% оценивали боеспособность положительно, а 53% – отрицательно.

Советская армия после ухода из Афганистана оказалась отягощенной «афганским синдромом», который можно считать сложной реакцией общества (и военных как его части) на «большую и непобедоносную войну». В это обстановке возникли так называемые «антивоенные настроения». У политиков, распорядившихся тогда бюджетом, появилась возможность сократить

ет информация об отношениях к армии со стороны студенчества. Опыт исследований показал, что его позиции в обостренном виде указывают на тенденции, характерные для молодежи в целом.

военные расходы, опираясь на согласие большинства жителей страны (в начале 90-х свыше 70% граждан считали нужным эти расходы сократить). В обществе начала действовать тенденция – требовать сокращения армии и военных расходов. К концу 1990-х тенденция потеряла свою резкость, но тем не менее, в 1997 г. сокращение армии поддержали 43% жителей страны, а не поддержали 33%. При этом среди военных мнения разделились пополам 37%:37%. За сокращение выступали в своем большинстве предприниматели и управленцы, специалисты, студенты, служащие, рабочие. (Пенсионеры были в основном против сокращения).

Особо надо подчеркнуть, что возможное снижение обороноспособности страны, то есть, способности выполнять названную выше «главную функцию», не являлось главным мотивом для выражения против сокращений у большинства россиян. Этот мотив выдвинуло менее одной пятой населения (17%), а среди военных этот мотив выдвинули лишь 11%. Не менее значимым доводом против сокращения в глазах общества в целом (16%), а для понимающих и прямо заинтересованных групп и гораздо более значимым (27% среди военных) было то, что «правительство не сможет обеспечить выходящих в отставку офицеров жильем и работой». Даже среди самых ярых противников сокращения и самых ярых сторонников того, что сокращение невозможно, так как нанесет урон обороноспособности (это, прежде всего, сторонники Г.Зюганова), и то последний мотив всего лишь равен по степени значимости мотиву «нечем обеспечить офицеров» (по 24%).

Иными словами, армия в глазах значительной части общества нуждается в поддержке и сохранении по невоенным причинам. В 1992–1993 годах можно было зафиксировать «провал» даже на фоне более общего тренда общего падения доверия к армии.

Армия как институт реагировала на это новой попыткой реализовать себя если не в первой, то во второй помянутой Сталиным функции. (Он называл ее главной для армий буржуазных государств). Армия начала военные действия на территории собственной страны.

Армия добилась общественного внимания, пусть и с отрицательным знаком. Деятельность армии в чеченских событиях оценивали как «очень хорошую» 1–2% россиян. Относительное большинство в 40–45% считали ее неудовлетворительной.

В интервью о роли армии в чеченском кризисе чаще всего выражали сочувствие рядовым военнослужащим, но об армейском командовании чаще всего заявляли, что оно заинтересовано в продолжении войны. Мысль о наличии глубокой заинтересованности верхушки, в том числе военной, в продолжении войны, была весьма распространенной в середине 1996 года.

А в чем было заинтересовано общество? В конце 1996 г. 35% и в начале 1997 г. 29% заявляли, что были бы только рады отделе-

нию Чечни от России, немалая доля (21% и 29% соответственно) против, но готовы смириться, 24% и 22% заявляли, что это не произвело бы на них особого впечатления, по 13% не знали, что ответить, и только 8% в обоих опросах говорили, что «отделению Чечни следует воспрепятствовать всеми средствами, включая военные». Следует заметить, что последний вариант ответа даже среди военных сперва избирали не более 12%. Что же касается варианта первого («был бы рад...»), то в некоторых социальных группах (напр., студенты) его в конце 1996 г. давали 35%-36% опрошенных, а среди предпринимателей – 50%.

Мирный договор, заметим, не считали шагом к отделению (так думали лишь 10%). В июне 1997 г. три четверти населения России (74%) одобряли подписание договора о мире и принципах взаимоотношений с Чечней (не одобряли 12%). Но цену мирному договору знали. Его сочли «историческим поворотом в отношениях между нашими народами, знаком прекращения древней враждебности» только лишь 7% россиян. Признанием поражения российской армии в войне 1994–1996 г. сочли его 14%. Для четверти это был не мир, а иллюзия мира, другие 24% полагали, что мир – мало значащий факт, поскольку руководство Чечни, полагали они, не контролирует положение в республике.

Эти данные свидетельствуют о том, что общественное сознание, сознание большинства переживало очень сложные времена. Согласие на отделение Чечни для этой части общества вытекало не из сочувствия к стремлениям одного из народов бывшего СССР к независимости. В октябре 1996 г. две трети российского общества (62%) заявили, что отнеслись бы отрицательно (в том числе 33% – резко отрицательно) к включению в конституцию РФ права любого субъекта федерации (края, области, республики) на выход из состава России.

Согласие на отделение Чечни, выраженное к тому же в форме «был бы рад...», наподобие проявленного за несколько лет до того согласия на отделение республик Прибалтики от СССР, было реакцией глубоко уязвленного самолюбия страны-метрополии. Наблюдения за отношением к отделившимся республикам Балтии показывает, что дающееся метрополии очень большим внутренним напряжением согласие на уход одного из владений далее трансформируется в стойкую неприязнь и зачисление ушедшего в разряд недругов России.

Как непроста по своей природе была терпимость к ожидаемому отделению Чечни, так непростым по природе был и пацифистский настрой общества в начале и в течение первой чеченской войны. Не следует забывать, что общество заявляло свой протест против ведения войны в Чечне достаточно явственно – таково мнение самого общества. В ноябре 1996 г. 61% россиян заявили, а в январе 1997 г., оглядываясь на законченную войну,

столько же подтвердили, что главную роль в прекращении военных действий в Чечне сыграли действия А.Лебеда, (главенство этого фактора подтверждалось и позднее – в сентябре 1997 г. – 40%). Но вторым по значимости фактором были сочтены «настойчивые протесты общественности, организаций солдатских матерей, прессы». Относительная значимость именно этого фактора росла в глазах общества по мере удаления во времени от самих событий. Его отмечали почти 30% в октябре, т.е. вполтину меньше, чем вклад А.Лебеда, и уже 40% в январе 1997 – т.е., две трети, и 30% в сентябре 1997 – три четверти от «фактора Лебеда».

Сам факт того, что Россия потерпела поражение в «чеченской войне» в сентябре 1997 г. признавали 49%, отделение Чечни большинство россиян полагали решенным делом. Тогда в сентябре 1997 г. более половины россиян выражали убеждение, что в будущем Чечня станет независимым государством. Менее четверти россиян (24%) полагало, что она останется в составе России. Существенно, что в среде руководителей убежденность в достижении Чечней независимости была выше – 60%, а среди военных это было просто господствующим мнением – 68%.

Несколькими месяцами позже, в январе 1998 г. опрос показал точно такое же распределение мнений в обществе в целом (24%:50%). На этом фоне не удивительно, что желания снова развязывать военные действия в обществе было немного. Прозвучавшее в те дни заявление министра внутренних дел о возможности превентивных ударов по базам боевиков на территории Чечни встретило отрицательную реакцию 53% населения и поддержку 30%. Окончание вывода российских войск из Чечни было чаще всех прочих названо главнейшим событием 1997 года – так заявили 44% россиян в конце года.

Тем, кто хотел снова воевать, надо было либо действовать против общественного мнения, либо трансформировать его позицию.

Взрывы в Москве сыграли значительную роль в изменении общественной точки зрения на войну. В октябре 1999 года 65% населения поддержали бомбардировку военных баз и промышленных объектов на территории Чечни. Отказ от мирных соглашений, подписанных А.Лебедем и А.Масхадовым, поддержали более 50%. В ноябре 1999 г. тех, кто «был бы только рад...» осталось 17%. В декабре 1999 г. 44% поверили, что «боевики будут разгромлены и вся Чечня будет возвращена в состав Российской Федерации». Иначе говоря, общественное сознание повернулось на 180 градусов.

Те, кто полагали тогда, что «конфликт приведет к огромным потерям с обеих сторон и кончится так, как это было в 1996 г.», составляли меньшинство в 11%. Вдвое больше было ожидающих что конфликт примет затяжной характер и распространится на

другие регионы Северного Кавказа. Но и обе эти категории вместе уступали по численности верящим в быструю победу.

Отмеченное выше напряжение, с которым общество давало согласие на выход Чечни и отказывалось от того, чтобы препятствовать ему военным путем, можно считать своего рода выражением «афганского синдрома». Действительно, одним из главных антивоенных мотивов был «материнский» протест против гибели «наших мальчиков». За этим протестом стояло реже выговариваемое – «бессмысленной гибели», то есть, не ведущей к достижению поставленной геополитической цели – подчинить соперника, чужака.

Теперь, в начале второй чеченской кампании все изменилось. Сочетание боязни мести со стороны чеченцев, страха (его испытывали 60% в ноябре 1999), и желаний собственной мести (61% признавались в чувствах «мести и ненависти к террористам и боевикам») нашли психологическую реализацию в начавшихся боевых действиях: 60% считали, что «чеченцы сейчас получают по заслугам».

Военным был дан карт-бланш со стороны общества. Проведение «широкомасштабной военной операции» поддержали 75%. За штурм Грозного выступали 54%.

При этом были готовы принять определение происходящего как «акции по восстановлению порядка и антитеррористической акции» 50%, а квалифицировать эти действия как «карательную экспедицию» соглашались менее 3%.

Самым сильным трансформациям подвергся «материнский синдром» – нежелание разрешить гибель «наших мальчиков». Хотя в ноябре 96% заявляли о сочувствии к российским военнослужащим, которые «терпят лишения и гибнут в ходе военной операции» (их жалели больше, чем мирное чеченское население и беженцев – 88%), в декабре 72% требовали «продолжать наступление федеральных войск», при этом более, чем две трети из требовавших (или почти половина от всех) настаивали, что наступление должно быть продолжено, «даже если в его ходе войска будут нести большие потери». (За переговоры выступало в ноябре 29%, в декабре 22%).

От «материнского синдрома» на начальном этапе второй кампании остался лишь тот след, что доля выступавших за переговоры среди женщин была 28–30%, а среди мужчин – около 12%, то есть, в два с лишним раза меньше. С декабря 1999 г. и до апреля 2000 г. во всех возрастных группах женщин двукратно преобладали сторонницы продолжения военных действий.

А потом в апреле 2000 г. объявили, что военная операция «закончена». И среди женщин в мае 2000 г. впервые баланс на один процентный пункт сместился в сторону переговоров (44:45). С тех пор женщины лидируют в тенденции переходить к переговорам.

Среди мужчин и до начала 2001 года преобладало мнение, что надо продолжать военные операции (51% против 36% за переговоры в феврале 2001 г.). Но благодаря соотношению «демографических сил» баланс общественного мнения в целом составил 38:50% в пользу переговоров.

Но даже в апреле 2000 года, когда 68% выступали за то, чтобы продолжать наступление (и половина – продолжать, несмотря на большие потери), ровно столько же (69%) ответили «нет» на такой вопрос: «Если бы в горячие точки посылали только добровольцев, готовы были бы вы отправиться сами (или отправить вашего мужа, сына, брата, другого близкого человека) в Чечню сражаться с бандитами и террористами?»

Следовало ли вести «вторую чеченскую войну»? К концу 2000 года общество было разделено на две равные части мнениями:

«следовало вводить российские войска в Чечню» – 42%

«было достаточно выставить войска по границе Чечни, закрыть границу с ней и подождать, пока здоровые силы в Чечне не решат ситуацию своими силами» – 43%

Вне зависимости от исполнимости этого плана «санитарного кордона», который давно витает в воздухе как «мирный» вариант «окончательного решения чеченского вопроса», сам факт, что к нему склоняется половина выражающих мнение (а также 53% всех молодых людей, 55% военных) говорит о том, что отношение к войне в Чечне снова сменилось. За военные действия остается все более отчаянная часть общества – среди них уже не семь из десяти, а почти восемь из десяти за продолжение военных действий любой ценой. При этом 79% россиян ныне называет происходящее в Чечне «партизанской войной» и 45% россиян думают, что на то, чтобы наладить мирную жизнь там понадобится «много лет», а 26% полагают, что это вообще не удастся, и Чечня будет оставаться источником напряжения и конфликтов. То есть, нет надежд на «победу», но вопрос об отделении Чечни также «снят». О том, что «России придется признать независимость Чечни от России» теперь – в феврале 2001 г. думает лишь 8%.

Армия и интеллектуальные ресурсы общества

Рассмотрим взаимоотношения армейской службы и того, что можно назвать интеллектуальным и образовательным началом. Известно, что именно в вооружениях или их производстве и были овеществлены самые крупные интеллектуальные достижения нашего народа. В армии многие военнослужащие эксплуатировали в целом гораздо более сложные системы, чем встречавшиеся им в гражданской жизни.

Однако, к сожалению, в обществе достаточно давно выработалось твердое представление о враждебности армейской службы всем проявлениям образованности и интеллекта. Достаточно сказать, что убедительный в глазах военных аргумент в

пользу призыва студентов – в армии, мол, сложная техника, малообразованные военслужащие ее губят – на студентов производит крайне негативное впечатление. (Вот, например, данные на начало 1995 года. Среди пенсионеров индекс доверия армии был равен 3, среди студентов – 0,3, то есть в старшем поколении трое доверяющих на одного не доверяющего, а в среде учащихся наоборот. Сказались отмены отсрочек и начало войны.)

В приводимой ниже таблице показано, каково отношение к службе в армии со стороны нескольких различных демографических и политических групп общества.

Июль 2000	В целом	М	Ж	18–24	25–39	40–54	55+	Студенты, учащиеся	Домохозяйки	Мне ближе по взглядам Яблоко	Мне ближе по взглядам СПС
Каждый настоящий мужчина должен пройти службу в армии	44	48	40	36	37	45	51	31	35	29	32
Служба в армии – долг, который надо отдать государству, пусть даже это не отвечает вашим интересам	24	28	21	21	22	25	27	24	16	29	30
Служба в армии – бессмысленное и опасное занятие, нужно любыми средствами постараться избежать ее	23	16	29	34	31	21	14	43	39	32	29
3/0*	9	8	10	9	10		8к	2	10	10	9

Из таблицы хорошо видно, что за обязательную службу выступает старшая часть общества, прожившая жизнь в СССР. Видно, что это также «мужская» точка зрения. В молодежной среде *pro* и *contra* находятся в равновесии – точнее в острой борьбе, где еще не выявился победитель. Для учащихся, как говорилось выше, нынешняя служба по призыву – чаще всего «бессмысленное и опасное занятие». Почти с такой же интенсивностью защищают эту точку зрения женщины-матери («домохозяйки» в нашей таблице). Именно эти две группы – главные носители и лидеры такого мнения. Политические партии правого толка лишь оформляют и выражают их позицию по этому вопросу.

Армия как место профессиональной подготовки к гражданской жизни не рассматривалось никем. Разве что приобретение навыков строителя в стройбатах и других армейских частях для некоторых оказывалось ценным «на гражданке». В остальном армия не давала специальных знаний для жизни в целом, так говорили респонденты. Офицеры жаловались на необходимость переучиваться гражданским профессиям даже сразу по окончании академии.

Апологеты армии и не настаивали на подобной утилитарной пользе знаний, почерпнутых в армии. Однако очень часто армию сравнивали со школой. Чему же учила эта школа? Одно из частых клише: «школа мужества». По-другому говорилось, что армия делает из юношей настоящих мужчин.

Коль скоро речь идет о школе, но не имеется в виду получение знаний, значит речь идет не об образовании, а о воспитании, то есть о социализации.

Армия как воспитательное учреждение

В самом деле, действительная военная служба в СА, как показали наши специальные исследования¹, выполняла весьма заметную роль в социализации всего мужского населения страны.

В сложившейся к 70-м годам советской системе социализации детей мужского пола в основном воспитывала мать или цепочка женщин-воспитателей в различных воспитательных и образовательных учреждениях. Важно, что по «женской линии» передавалась в том числе совокупность ценностей и образцов мужского воинского поведения как они заявлялись в нормативных текстах – от школьных учебников до классических художественных произведений и от газет до воинских уставов.

Этот «рыцарский кодекс» во многом действительно восходит к этическим принципам, рецепированным из западной дворянской традиции. Эти принципы задают правила чести, в частности, регулируют применение насилия во взаимоотношениях (насилие только к равному и более сильному и только в ответ на насилие).

В отечественной мужской субкультуре, в ее этике, как она сложилась к описываемому моменту, функционировали два слоя. Один – номинальная этика, опирающаяся, как сказано, на нормативные тексты. Это – внешняя этика, демонстрируемая в ситуации «внешних сношений».

Другая система принципов, которую стоит назвать внутренней этикой, существует исключительно как предание и обычай, она не фиксируется в текстах и не формулируется в принципах, существуя так же, как «обычное право». Она существует как узус, и реализуется не вообще «в жизни», но в особых обстоятельствах, средах и ситуациях. Их можно назвать экстраординарными. Это ситуации существования людей вне рутинной системы домашних,

¹ См. эти результаты в кн. «Советский простой человек» (под ред. Ю. Левада). М., 1993 С. 97-130.

дружеских, соседских и деловых связей. Но это не ситуации одиночества, напротив это пребывание в особых однородных коллективах, собранных по особому случаю. Такое возникает в ситуациях войны, воинской службы, похода, спорта, а также преступления, тюрьмы и в ряде иных. И.Гoffман, наблюдая сходные явления, выделил в своей классической работе тип заведений, которые он назвал «тотальные институты»².

² E.Goffman. *Asylums*. N-Y., 1961.

Их прототип можно видеть в так называемых «мужских домах» охотничьих и воинственных племен. Трансляция этих принципов в нашем обществе происходит через мужские недобровольные коллективы – общежития, «зону» и, главным образом, казарму³.

³ См. A.Lewinson. *Kasernenterror*. // «Kursbuch». Berlin, Marz, 1991).

Весьма существенными признаками для устройства и социальной организации в такого рода коллективах являются «природные», аскриптивные качества его членов – возраст, происхождение и т.п. Важным признаком является и физическая и психическая сила, поскольку в таких сообществах главным ресурсом, за который идет борьба, является власть, а главным языком-посредником является насилие. Здесь свои понятия о праве и справедливости. Эта система предполагает не равенство, а подчинение силе и пр.

Наши специальные исследования показали, что советская армия, а за ней и российская армия как ее часть, строятся на двух системах принципов. Формальная структура армии, заданная соответствующими регулятивами уставов, базируется в основном на отношениях первого типа, тогда как в качестве неформальной структуры армия опирается на принципы второго типа. Это было подмечено идеологами армии, назвавшими их «неуставными» отношениями. Фольклорное название – «дедовщина» отсылает к архаическим структурам родового строя.

В исследовании 1990 года выяснялась оценка ситуации в армии.

На вопрос о том, как обстоит дело в советских ВС, российские мужчины отвечали так:

вполне благополучно	2%
скорее благополучно	8
скорее неблагоприятно	48
совершенно неблагоприятно	36
не могу сказать	6

Вообще среди мужчин всего Союза опыт службы в СА оставил самые неблагоприятные воспоминания. Только среди пожилых мужчин, проходивших действительную службу до начала 60-х, доля считавших положение благополучным была ниже двух третей. А среди те, кто прошел службу в СА позднее, в особенно-

сти среди служивших в 80-е годы доля указывающих на неблагополучие поднималась до 88%. При этом главное о чем говорили молодые мужчины – «дедовщина», «падение дисциплины», «армия нравственно калечит» (в общей сложности до 90% ответов парней «дембельского» возраста).

Негативную роль дедовщины трудно переоценить. Не говоря о загубленных и изуродованных людях, о подорванном авторитете армии, дедовщина сыграла роль детонатора в ряде важнейших процессов, приведших к нынешнему кризисному положению общества в целом. Так, эпизод с солдатом из Литвы, застрелившим своих насильников – «дедов» и описанный в «Комсомольской правде» («Случай в спецвагоне» КП 29.07.1988) вызвал не только самую обильную читательскую почту, когда либо приходившую в какую-либо газету мира (более 60 тыс. откликов), но и спровоцировал подъем в Литовской ССР движения за службу призывников на территории своей республики. (Этот принцип поддерживали 63% граждан СССР). После отказа союзных властей предоставить республике это право следующим стало требование собственных вооруженных сил (это поддерживали только 25% жителей Союза). Следующим – требование независимости.

Дедовщина с ее чудовищными жертвами стала причиной того, что сложилось движение «солдатских матерей». Это, заметим, первая и пока единственная массовая организация, родившаяся «снизу» и не подчиненная никакому политику или лидеру.

С выступлений по поводу дедовщины начались, как ни странно это покажется, митинги бастующих шахтеров Кузбасса – в ходе первых крупных социальных потрясений нового режима в России в начале 90-х гг.

И в 1997 г. в обществе наиболее частым (35%) было мнение, что «за последние несколько лет случаев «дедовщины» и неуставных отношений в армии стало больше». Сторонники противоположной точки зрения («стало меньше») – встречаются полтора раза реже (26%), их меньше даже чем затруднившихся с ответом (29%). Чаще других такой ответ дается в тех поколениях, где основная часть молодежи призывного возраста (38%) и в поколении их родителей (44%). Максимум (св. 46%) обеспокоенности – в той среде, которая оказывается наиболее непосредственной жертвой «дедовского» террора – в среде учащейся молодежи. Особо отметим, что о том, что «дедовщина» растет, а не убывает, говорят и ответы мужчин – кадровых военнослужащих (34%).

Профессиональная армия как выход из положения

Уже тогда, в начале 90-х гг. 40% опрошенных мужчин в РСФСР потребовали как можно скорее создавать армию из добровольцев-профессионалов, еще 20% видели это как перспективу, еще 23% хотели хотя бы изменить условия призыва. Заметим, что среди тех юношей, которым только предстояло идти слу-

жить, за срочный переход к профессиональной армии высказывалось почти 65%.

Вернемся к внешней функции армии. Тогда только что прошла «война в Заливе» – мировая война в миниатюре. В стране раздавались голоса за выступление и на той и на другой стороне. Тем не менее, две трети (67%) населения Российской Федерации полагали, что угрозы военного нападения на СССР на тот момент не существовало (против 21%). Соответственно, непосредственной необходимости в высоких военных расходах, содержании крупной (и небоеспособной) армии они не видели. Почти 60% считали нужным численность армии «резко сократить» (20% против).

Итак, накануне распада СССР и его Вооруженных сил его жители, и в их числе мужское население будущей независимой России «большинством голосов» поставили тревожный диагноз состоянию армии и предложили путь исправления ситуации.

В ходе опросов уже тогда было обнаружено себя как господствующее мнение о том, что армейское руководство вопреки воле общества сопротивляется реформам в армии.

В марте 1990 г. 59%, а в марте 1996 г. 63% одобряли отмену призыва и создание профессиональной армии на добровольных началах. (Среди студентов 75%, а среди предпринимателей – 82% высказывались за это). Исследование выявило причины – нигде не ушедшие фобии: более 50% студентов, 47% допризывников признались, что они ожидали, что в случае перехода президентства к Зюганову, повысится вероятность, что их или их родственников призовут на действительную службу. Тема стала предметом политической игры.

В 1999 было выяснено, что если бы некая политическая партия выступила за создание небольшой по численности, но эффективной профессиональной армии, это у 33% избирателей увеличило их склонность голосовать за такую партию и у 5% уменьшило бы.

К 2000 году в обществе в основном преобладало мнение, что надо переходить к формированию армии на контрактных началах (58%). За сохранение всеобщей воинской обязанности продолжали выступать 34%. Максимум сторонников рекрутского набора среди мужчин (38%), пожилых людей (45%), лиц с неполным средним образованием (46%). Их столько же среди военных, но в этой среде большинство (53%) – за профессиональную армию.

Сравнение данных за 1997–2000 годы в приводимой ниже таблице показывает, что среди молодежи призывного возраста соотношение сторонников профессиональной армии (на контрактной основе) и сохранения обязательного призыва юношей

на службу в среднем составляет 3:1. Среди жителей больших городов эта пропорция 2:1, в малых городах – 1.5:1

	Мужчины			Женщины			Большой город			Малый город			Село		
	97	98	00	97	98	00	97	98	00	97	98	00	97	98	00
Сохранить всеобщую воинскую обязанность и обязательную службу для юношей призывного возраста	38	38	38	30	34	32	30	30	27	32	34	35	39	45	45
Перейти к формированию армии на контрактных началах	53	55	56	57	51	59	61	60	64	56	53	56	46	42	51
3/0															

	18–24			25–39			40–54			55+			Высшее образование		
	97	98	00	97	98	00	97	98	00	97	98	00	97	98	00
Сохранить всеобщую воинскую обязанность и обязательную службу для юношей призывного возраста	17	18	26	24	24	26	33	37	36	51	53	45	18	26	21
Перейти к формированию армии на контрактных началах	72	70	71	68	69	71	54	55	57	36	28	42	71	68	74

Для многих выходом из той «ловушки», которую создает для общества наличие «конституционной обязанности гражданина» проходить службу в армии с одной стороны, и нетерпимые для истинного гражданина условия в этой армии с другой, представляется введение института альтернативной службы.

По данным 2000 года равное количество россиян желало своим детям службы в армии или альтернативной службы. О предпочтениях различных групп общества говорит таблица.

Июль 2000	М	Ж	18–24	25–39	40–54	55+	Уча- щиеся	Домо- хозяйки	Москва	Мне ближе по взглядам Яблоко	Мне ближе по взглядам СПС	Мне ближе по взглядам ЛДПР
-----------	---	---	-------	-------	-------	-----	---------------	------------------	--------	---------------------------------------	------------------------------------	-------------------------------------

Если бы в нашей стране была введена практика альтернативной воинской службы, вы бы предпочли, чтобы ваши дети вносили:

Службу в армии	52	35	38	36	46	49	30	36	29	28	30	48
Альтернативную воинскую службу	37	50	52	50	43	35	63	40	55	60	66	43

**Появление
наемной
армии**

Когда говорят о профессиональной армии, имеют в виду два разных значения: армия из людей, досконально овладевших военной профессией, и армия из людей, служащих за деньги. Похоже, что дело клонится к тому, что второе толкование будет наиболее верным в отношении нашей армии.

На протяжении последних лет «армейской реформы» все интервью с военными показывали картину бегства из армии наиболее способных кадровых военных – прапорщиков, младших и средних офицеров.

Остающаяся часть армии активно включалась в денежные и обменные отношения. Те, кто покинул армию, в целом ряде случаев не отказались от профессии служащего с оружием в руках. Но служащего теперь за деньги.

Сокращение ВС РФ прошло. Но по различным данным, в том числе, данным Министра обороны, в России «под ружьем» до 4 млн. человек. Немалое число демобилизовавшихся из армии располагает тем или иным оружием и занято деятельностью предполагающей применение или угрозу применения этого оружия (например, охрана коммерческих предприятий, рэкет).

Правомерно говорить, что вооруженная сила в России уже по большей части наемная и в этом смысле профессиональная.

Приводя эти данные, мы не хотим сказать, что и на наш взгляд создание наемно-добровольческой армии, какой она реально сможет стать в ближайшие годы, снимет все напряжения в отношениях армии и общества. Более того, косвенные данные заставляют с большой настороженностью отнестись к подобной перспективе. Однако это тема требует отдельного исследования.